

В. М. НАДЕЛЯЕВ — ОСНОВАТЕЛЬ СИБИРСКОЙ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

И. Я. Селютина

Аннотация: Текст доклада автора на Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. М. Надеяева (г. Кызыл, 20–24 мая 2012 г.).

Ключевые слова: Надеяев, Сибирь, филология, языкознание, тувинский язык, тюркские языки, фонетическая типология, теория фонемы.

Владимир Михайлович Надеяев (1912–1985) — крупный отечественный тюрколог и монголист, теоретик общего языкознания, специалист в области эпиграфики, известный фонетист-эксперименталист, выдающийся педагог, воспитавший более 150 лингвистов-сибиреведов.

Первой группой его учеников, ставших впоследствии широко известными специалистами в разных областях знаний, были выпускники тувинской школы. В 1947 г. руководство вошедшей в состав СССР Тувинской АО обратилось в Ленинградский государственный университет с просьбой принять и подготовить к научной деятельности в области языка, литературы и истории группу тувинской молодежи. Работа была поручена В. М. Надеяеву, преподававшим монгольские языки после окончания тюрко-монгольского отделения гуманитарного

Селютина Ираида Яковлевна - доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, г. Новосибирск.

факультета и аспирантуры при Восточном факультете ЛГУ. Знание тюркских и монгольских языков, а также опыт работы в национальной школе на Таймыре с долганскими детьми, не владеющими русским языком, позволили ему быстро освоить язык тувинцев, разработать необходимые программы. Курс лекций по теории тувинского языка, читавшийся В. М. Наделяевым на тувинском отделении Восточного факультета ЛГУ в 1947–57 гг., состоял из четырех частей: ч. I. — Фонетика и графика, ч. II — Морфология, ч. III — Синтаксис, ч. IV — Лексика. Рукопись хранится в библиотеке Тувинского института гуманитарных исследований.

В. М. Наделяев руководил также исследовательской работой студентов-тувинцев, курируя их курсовые и дипломные сочинения. Ученики В. М. Наделяева по окончании вуза составили основное ядро сотрудников Тувинского НИИЯЛИ и пединститута. Шесть человек из них стали кандидатами наук, двое — Ч. А. Кунаа и Ш. Ч. Сат — докторами. Заслуги В. М. Наделяева в деле подготовки высококвалифицированных научно-педагогических кадров были отмечены присвоением ему звания Заслуженного деятеля науки Тувинской АССР (Убрятова, 1981).

За годы работы в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР (1966–1985) В. М. Наделяев открыл новое направление в изучении языков и территориальных диалектов Сибири и создал сибирскую фонологическую школу.

В. М. Наделяев приехал в Новосибирск в августе 1966 г. по приглашению академика А. П. Окладникова для организации Лаборатории экспериментально-фонетических исследований (ЛЭФИ), которая была открыта в 1968 г. В Новосибирске В. М. Наделяев проработал до последних дней своей жизни — ровно 19 лет.

Экспериментальной фонетикой В. М. Наделяев начал заниматься еще в студенческие годы в Лаборатории ЛГУ под руководством академика Л. В. Щербы. Позднее он и его сибирские ученики продолжили развитие идей и методов Ленинградской исследовательской школы.

В архивах ЛЭФИ сохранился документ, написанный рукой В. М. Наделяева. В нем обозначены основные задачи, стоящие перед сибирскими фонетистами: это задачи изучения звуковых систем языков Сибири, освоения современных инструментальных методов и поиска новых, подготовки специалистов для фонетических лабораторий НИИ и вузов Сибири, обобщения результатов экспериментально-фонетических исследований и ввода их в информационное поле лингвистов.

В соответствии с поставленными задачами под руководством В. М. Надеяева фонетисты Сибири разрабатывали коллективную многолетнюю тему «Фонологические системы языков народов Сибири и сопредельных регионов». В русле теоретических концепций и методологической базы, заложенной В. М. Надеяевым, изучались и продолжают изучаться его последователями различные аспекты звукового строя более сорока бесписьменных и младописьменных языков, диалектов и говоров Сибири — тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, самодийских, обско-угорских, енисейских и палеоазиатских; активнее всего разрабатывается тюркологическая проблематика.

При этом изучение фонетики сибирских языков всегда осуществлялось в ЛЭФИ путем вовлечения в исследовательский процесс аспирантов, стажеров, соискателей, студентов, обучающихся при лаборатории, в штате которой никогда не было больше трех сотрудников.

За годы существования ЛЭФИ подготовлены около шестидесяти кандидатских диссертаций, 36 из них защищены; 8 выпускников ЛЭФИ защитили докторские диссертации.

Результаты экспериментально-фонетических исследований языков и диалектов Сибири и сопредельных регионов обобщены в тридцати трех опубликованных монографиях, а также в статьях (их более 900), вышедших в девятнадцати сборниках ЛЭФИ и в других научных изданиях.

Большой объективный материал уникальной научной ценности по звуковым системам неизученных или слабоизученных языков различной типологии позволил В. М. Надеяеву и сформировавшемуся под его руководством коллективу исследователей поставить ряд проблем, важных для общей, экспериментальной, сравнительно-исторической и контрастной фонетики. Были намечены следующие задачи теоретического характера: совершенствование артикуляционной классификации звуков речи; разработка типологической классификации фонологических систем языков народов Сибири; создание теории и типологии артикуляционно-акустических баз (ААБ) этносов.

В результате исследований предложена новая трактовка вопросов теории фонемы, не получивших однозначного решения в отечественной и зарубежной фонологии (Надеяев, 1985: 3), внесены уточнения в принципы научной классификации гласных и согласных звуков речи — в качестве основного критерия строго научной классификации принимается последовательность и единство оснований для сравнения фонетических

единиц (Уртегешев и др., 2009). Усовершенствованы принципы артикуляционной классификации гласных (используется векторный, а не координатный подход к анализу вокальных настроек) (Наделяев, 1980) и согласных звуков (квалифицирование по активному и пассивному органам, а также по дополнительным артикуляциям) (Наделяев, 1960), необходимые для адекватной и единообразной интерпретации фонетических явлений в языках мира. Выявлены неизвестные ранее в общей фонетике артикуляторные и функциональные ряды гласных (центральнозадний ряд; подтверждено практически существование центрального вокального ряда, теоретически предусмотренного Л. В. Щербой) и согласных (межзубноязычные, надгортанниковые, корнеязычные; уточнены группы сложных согласных) единиц. Предложены принципиально новые, не учитывавшиеся ранее в типологической классификации параметры вокальных (фарингализованность / нефарингализованность, увуларизованность / неувуларизованность) и консонантных (краткость / долготы / нейтральнодолготность; эйективность / нейтральность / инъективность) систем в языках Сибири (Селютина и др., 2011).

Как показали исследования учеников В. М. Наделяева, впервые выделенные им классификационные ряды — центральнозадний у гласных, межзубноязычный — у согласных, очень продуктивны в языках народов Сибири. Центральнозадние артикуляции гласных доминируют в вокалических системах тюркских, угро-самодийских, тунгусо-маньчжурских языков, причем как в твердорядных, так и в мягкорядных лексемах. Межзубноязычные согласные реализуются в мягкорядных словоформах — значительно менее частотных по сравнению с твердорядными, но в них они превалируют.

По мере накопления материала по разносистемным языкам была поставлена задача разработки проблем фонетической типологии. Еще в 1959 г. на координационном совещании тюркологов в Ашхабаде В. М. Наделяев заявил, что в тюркских языках функционируют четыре типа систем противопоставления согласных фонем (Наделяев, 1961: 193–197). Исследования, выполнявшиеся позднее под его руководством, показали, что в языках народов Сибири и сопредельных регионов функционируют три типа консонантных фонологических систем: 1) системы, структурируемые оппозицией по степени напряженности, представлены двумя подвидами: а) системы с бинарной оппозицией слабых/сверхслабых согласных (уральские угро-самодийские языки: энецкий, ненецкий, нганасанский,

селькупский, хантыйский); б) системы с тройным противопоставлением сильных/слабых/сверхслабых согласных (байкало-саянские тюркские и монгольские языки: тувинский, тофский, саларский, сарыг-югурский; халха-монгольский, калмыцкий); 2) системы, базирующиеся на противопоставлении по количественному признаку: краткие/долгие/ долготно-неопределенные консонанты (тюркские языки алтае-саянского региона: алтайский, кумандинский, чалканский, тубинский, теленгитский, бачатско-телеутский; сагайский диалект хакасского языка); 3) системы с оппозицией по звонкости / глухости (северные тюркские языки — якутский и долганский; такая же система формируется в сагайско-хакасском, а также в калмакском языках). Четвертый же из заявленных В. М. Надеяевым типов тюркских консонантных систем, организованный противопоставлением согласных фонем по придыхательности, в языках Сибири — тюркских и нетюркских — в чистом виде не зафиксирован: как правило, аспирация является параметром, сопутствующим другим конститутивно-дифференциальным признакам (КДП) согласных.

Экспериментально-фонетические данные, полученные позднее по шорскому и барабинско-татарскому языкам, позволили внести дополнения в разработанную В. М. Надеяевым типологическую классификацию консонантных систем языков Сибири, выделив системы, структурируемые противопоставлением единиц по глоттализованности/неглоттализованности. В основе построения шорской системы согласных лежит тройная оппозиция фонем по положению гортани и языка: инъективные/статичные/эйективные согласные (Уртегешев, 2002). Система такого типа, построенная по трихотомическому принципу, может быть квалифицирована либо как наследие кетского субстрата, в вокализме которого отмечена аналогичная оппозиция (Феер, 1998), либо — шире — как отражение палеосибирского состояния.

В языке барабинских татар согласные фонемы делятся на шумные фарингализованные напряженные / шумные нефарингализованные ненапряженные / малошумные нефарингализованные слабонапряженные (Рыжикова, 2005).

Изучение консонантных систем языка барабинских татар и тувинского языка (Сегленмей, 1979, 2010; Кечил-оол, 2006) свидетельствует о наличии корреляции между степенью напряженности и фарингализацией как дополнительной работой стенок глоточного резонатора с акустическим эффектом низкого по тону резонирования при продуцировании

фарингализованных согласных. Но функциональный статус фарингализации согласных в южносибирских тюркских языках различен: фарингализация — релевантный системообразующий признак для шорского и барабинско-татарского консонан-тизма и оттенковый — для тувинского.

В представленную здесь обобщенную схему консонантных фонологических систем не вписываются некоторые факты, выявленные С. В. Кечилоол (Монгуш) на материале сут-хольского говора центрального диалекта тувинского языка: инструментальные данные свидетельствуют о наличии в языке рефлексов четверичной оппозиции согласных по степени мускульной напряженности (Монгуш, 2001: 145–149): исследование класса шумных смычных согласных говора дало основание для констатации фонологического противопоставления сверхсильных / сильных / слабых единиц.

Таким образом, в предложенную выше типологическую классификацию согласных можно внести еще один подтип: к системам согласных, структурируемым бинарной (слабые / сверхслабые) или трихотомической (сильные / слабые / сверхслабые) оппозициями по степени напряженности, добавлен подтип, организуемый тетрархической оппозицией сверхсильных / сильных / слабых / сверхслабых единиц (Селютина, 2009).

Если учесть, что в шорском языке тройное противопоставление согласных по эйективности / статичности / инъективности, коррелирующее со степенью напряженности артикуляций, выявлено как для шумного, так и для малозумного консонантизма (Уртегешев, 2002; 2004), а в языке барабинских татар также в каждой из подгрупп класса шумных переднеязычных согласных констатирована тройная оппозиция фонем по комплексу признаков — фарингализованности и степени артикуляторной напряженности (Рыжикова 2003, 2005), то эти периферийные факты позволяют утверждать, что современные тюркские языки и диалекты Южной Сибири сохранили отчетливые рефлексы более древней пратюркской системы с тройной оппозицией в классе шумных согласных (Широбокова, 2000: 6), получившей различную трансформацию в процессе исторического контактирования этносов, имеющих различные артикуляционно-акустические базы.

Исследования гласных в южно-сибирских тюркских языках, проведенные по методике В. М. Наделяева, и интерпретация данных в соответствии с разработанной им концепцией артикуляторной классификации гласных свидетельствуют о типологической общности принципов организации вокальных фонологических систем: все они структуриру-

ются оппозициями единиц по артикуляторному ряду, степени подъема, огубленности-неогубленности, краткости-долготе. Исключение составляют тувинский и тофский языки, а также алтайский туба-диалект, в которых в число конститутивно-дифференциальных признаков гласных фонем входит характеристика по наличию-отсутствию фарингализованной окраски: в тувинском вокализме это один из основных КДП (Бичелдей, 2001; Дамбыра, 2005), в туба-диалекте — дифференциальный признак, сопутствующий долготе (Сарбашева, 2004).

Наличие фарингализованных гласных фонем во многом определяет специфику фонологической системы тувинского языка и является живым продуктивным явлением, охватывающим не только тюрко-монгольскую лексику, но и русские заимствования (Дамбыра, 2000). Этот факт не согласуется с мнением А. М. Щербака о том, что позднее заимствование слова является ограничением для фарингализации (Щербак, 1970: 44). Проблемы фонетического освоения русских заимствований в тувинском языке подробно освещены Б. И. Татаринцевым (Татаринцев, 1974), но вопросы фарингализации он не затрагивает. Вместе с тем, изучение условий и особенностей реализации фарингализации в русизмах может способствовать пониманию природы этого явления и в исконно тувинской лексике.

Характерной особенностью тувинского языка является функционирование в пределах монотематических лексем алгоритмов фарингальной гармонии гласных — наряду с типичной для многих тюркских языков палатальной и лабиальной гармонией (Бичелдей, 1985, 2001; в устных беседах с В. М. Надеяевым в 80-е годы прошлого столетия на существование фарингальной гармонии гласных в тувинском языке обращала также внимание С. Ф. Сегленмей). Исследования, проведенные в ЛЭФИ в последние годы, указывают на более широкий спектр действия отмеченной закономерности: признак фарингализованности / нефарингализованности распространяется не только на вокальную, но и на консонантную ось тувинской словоформы, то есть, следует говорить о законах сингармонизма, включающих не только ассимилятивные, но и аккомодационные процессы (Селютина, Дамбыра, Кечил-оол, 2004).

В ареале функционирования южносибирских тюркских языков констатируется тенденция к деполаризации характеристик гласных по параметрам артикуляторного ряда (Шалданова, 2003). По-видимому, отмечаемое на данном этапе состояние вокальных систем обусловлено конфликтом между артикуляционно-акустическими базами языков-субстратов дотюркского периода и навязанной им системой функций,

выполняемых вокализмом в тюркском языке-суперстрате. Попытка языка-основы приспособить вокализм к чуждой для него сингармонической системе детерминировала тенденцию к нивелировке релевантных в рамках этой системы признаков фонем и к усилению роли в смысловом различении других лингвистических средств (Селютина, 2000).

Поскольку в круг непосредственных научных интересов В. М. Надеяева входили еще со времен работы с С. Е. Маловым над дешифровкой енисейских рунических памятников — проблемы глоттогенеза, им разработана концепция возможности использования данных экспериментальной фонетики в качестве историко-лингвистического источника: так как артикуляционно-акустическая база складывается на ранней стадии формирования этноса и сохраняет свою специфику, пока этническая группа существует как компактная общность, это позволяет реконструировать по характеристикам ААБ древнейшие этногенетические процессы (Надеяев, 1981).

В исторических построениях В. М. Надеяева большая роль отводилась субстратному воздействию. Теория субстрата положена в основу ряда выдвинутых им гипотез этногенетического характера, основанных на инструментальных данных: о передвижении в IX–X вв. эвенов как этноса из байкальско-енисейского региона на северо-восток и усвоении ими в ходе миграции нового для них тунгусо-маньчжурского языка с сохранением свойственной их артикуляционной базе фарингализации гласных; о тюркском происхождении монголов центральных аймаков МНР и ряд др.

По мнению В. М. Надеяева, своеобразие фонетической системы тувинского языка, резко отличающегося от других тюркских языков, свидетельствует о том, что субстрат у современных тувинцев был явно не тюркский — фиксируемая на данном этапе развития языка система согласных не могла сложиться только на исконно тюркской основе. Владимир Михайлович полагал, что в основе современного тувинского языка лежит язык чиков, отюреченный (не ранее VII в. н.э.) уйгурским языком (Надеяев, 1986а). Но древние чики восприняли древний уйгурский язык через призму своей артикуляционно-акустической базы, для которой не были свойственны сильные согласные, скорее, у них были краткие и долгие консонанты. По В. М. Надеяеву, тувинские сильные анлаутные согласные — результат влияния уйгурского суперстрата; остальное своеобразие древнего тюркского консонантизма трансформировалось: сильные согласные в конце и в середине слова реализовались как слабые. Это, в свою очередь, привело к перестройке системы вокализма — к появлению

специфических тувинских фарингализованных гласных. Последовавшая столетие спустя кыргызская «кыпчакизация» охватила тувинскую грамматику, но лишь затронула фонетику уйгуро-огузского типа в преломлении артикуляционно-акустической базы древних чиков.

Одной из гипотез, получивших широкий резонанс научной общественности, является гипотеза о киданьской монголизации якутского языка. Еще польский тюрколог Стефан Калужинский, изучая монгольские элементы в якутском языке, пришел к выводу, что монголизмы в якутском либо принадлежат какому-то неизвестному монгольскому языку, либо заимствованы в разное время из разных монгольских языков (Kaluzynski, 1961). В. М. Надеяев, занимавшийся в течение ряда лет дешифровкой киданьской письменности (Надеяев, Стариков, 1964) и располагавший достаточной информацией об особенностях языка киданей (кидани или китаи — племена монгольской группы, обитавшие в IV–XII вв. на территории северо-восточного Китая и Монголии), высказал предположение о киданьской монголизации якутского языка: якутская народность складывалась на Средней Лене на базе этнического слияния древних тюрок (курукан) с монголами (киданиями) в XI–XII вв.

В последние годы жизни В. М. Надеяев наиболее активно разрабатывал гипотезу о существовании циркумбайкальского языкового союза, сформировав–шегося в I–XII вв. н. э. в результате длительных одновременных контактов части языков алтайской группы внутри существовавшего в регионе южного Прибайкалья и Забайкалья очень древнего лингвистического союза, обусловленного доалтайским субстратом. Внутри циркумбайкальского ареала В. М. Надеяев выделяет: а) байкало-саянский подсоюз языков, в которых проявляется как субстратное наследие фонетический признак фарингализации гласных; б) саяно-алтайский подсоюз с характерными для него системами согласных, обусловленными субстратом угро-самодийского типа, и губной гармонией широких гласных (Надеяев, 1986б; 1986в).

Фонетисты Сибири, получив инструментальные результаты, как правило, делают попытку квалифицировать данные в свете теории циркумбайкальского языкового союза, определить место в системе этого союза изучаемых языков, в которых, согласно теории В. М. Надеяева, при условии компактности проживания их носителей сохраняются доминантные черты исконных артикуляционно-акустических баз.

Структурные и функциональные характеристики систем гласных и

согласных фонем позволяют соотнести тюркские языки и диалекты Южной Сибири с разными ветвями союза.

Языки, входящие в алтае-саянскую ветвь, имеют вокальные системы, не включающие в набор конститутивно-дифференциальных признаков фарингализацию настроек, и консонантные системы (алтайская, кумандинская, чалканская, тубинская, хакасская), структурируемые оппозицией по квантитативным признакам, что трактуется как наследие угро-самодийского субстрата.

При этом алтае-саянская ветвь подразделяется на две подгруппы: северную и южную. Для северной характерны процесс «перелома гласных» и фонологизация позиционной длительности вокальных компонентов слова, а в области консонантизма — наличие малошумной фонемы; к этой группе относятся языки северного Алтая — кумандинский, чалканский, сагайский и качинский диалекты хакасского языка, а также шорский язык. Южная подгруппа — сюда входят южные диалекты алтайского языка: алтай-кижи, бачатско-телеутский и теленгитский — характеризуется относительно более передним вокализмом; в этих диалектах нет систематического проявления «перебоя» и позиционной долготы гласных, а также нет малошумной фонемы.

Для тюркских языков, входящих в состав байкало-саянской ветви союза, характерны оппозиция гласных по фарингализованности / нефарингализованности и консонантные системы, организованные тройной оппозицией по степени артикуляторной напряженности.

Определение тувинского консонантизма как структурируемого по степени напряженности свидетельствует о типологической близости тувинского языка с тофским, саларским, сарыг-югурским, халха-монгольским и калмыцким языками. А наличие корреляции между качеством гласного и согласного позволяет отнести тувинский и тофский языки к уйгуро-урянхайской группе байкало-саянской ветви союза. К байкало-саянской ветви можно отнести по консонантизму также шорский и барабинско-татарский языки.

Североалтайский язык туба-кижи находится на стыке двух ветвей — алтае-саянской ветви с системной организацией консонантизма по квантитету и утратой древнетюркского по южно-алтайскому типу, и саяно-байкальской ветви с фарингализацией гласных.

Отсутствие в хакасской консонантной системе среднеязычной фоне-

мы сближает хакасский язык с тувинским и тофским языками, входящими в уйгуро-урянхайскую группу байкало-саянской ветви союза, в то время как по большинству остальных признаков он отнесен к саяно-алтайской ветви союза. Бедность локальных классов среднеязычных и гуттуральных согласных обуславливает более передний характер консонантизма, определяя специфику хакасского языка в южносибирском регионе и сближая, наряду с процессами «перелома» гласных и фонологизации позиционной длительности, с западными тюркскими языками (Кыштымова, 2001; Субракова, 2006).

Вместе с тем, результаты сопоставительно-типологического анализа вокальных фонологических систем в говорах тувинского языка позволяют соотнести эти говоры одного языка с различными ветвями рассматриваемого языкового союза. Говоры 1-й и 2-й групп с фарингализацией, а также с назализацией гласных относятся к уйгуро-урянхайской группе саяно-байкальской ветви (наряду с тофским и тубинским языками). Подвергшиеся же сильному влиянию монгольского языка тувинские говоры 3-й группы, вокализм которых включает лишь нефарингализованные фонемы, различающиеся по краткости / долготе, следует отнести по типологическим признакам к саяно-алтайской ветви циркумбайкальского языкового союза (наряду с алтайским и хакасским языками) (Дамбыра, 2005).

Таким образом, как показывают инструментальные исследования, выполняемые в русле идей В. М. Наделяева, для типологических общностей не существенно, состоят ли они из языков одной семьи, включают только часть ее, объединяют разные семьи, или включают отдельные языки из разных семей. Применение методики проведения сопоставительно-типологических исследований с использованием данных экспериментальной фонетики в качестве историко-лингвистического источника позволяет заглянуть в древние пласты исторических преобразований, что было недоступно в связи с отсутствием письменных памятников на территории Южной Сибири. Выявление ареалов распространения базовых фонологических признаков, по-разному структурирующих территорию Сибири и — шире — северо-восточной Азии, позволит исследователям установить основные языковые типы, характеризующиеся различными наборами доминантных фонетических признаков.

Список литературы:

Бичелдей, К. А. (1985) Вокализм современного тувинского языка (экспериментально-фонетическое исследование) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата.

Бичелдей, К. А. (2001) Фарингализация в тувинском языке. М.

Дамбыра, И. Д. (2000) Корреляция звуков в тувинских моносиллабах (на материале Каа-Хемского говора) // Материалы XXXVIII Международной конференции «Студент и научно-технический прогресс». Филология. Новосибирск. С. 53–55.

Дамбыра, И. Д. (2005) Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка. Новосибирск.

Кечил-оол, С. В. (2006) Типологическая специфика консонантизма сут-хольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка. Новосибирск.

Кыштымова, Г. В. (2001) Состав и системы гласных фонем сагайского и качинского диалектов хакасского языка. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск.

Монгуш, С. В. (2001) Шумные смывные согласные фонемы Сут-Хольского говора тувинского языка // Языки коренных народов Сибири. Вып. 9. Фонологические системы. Новосибирск. С. 127–149.

Наделяев, В. М. (1960) Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.–Л.

Наделяев, В. М. (1961) Выступление на координационном совещании // Вопросы методов изучения истории тюркских языков. Ашхабад. С. 193–197.

Наделяев, В. М. (1980) Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск. С. 3–91.

Наделяев, В. М. (1981) Теоретическое и практическое значение фонетических исследований по языкам народов Севера // Письменность народов Сибири. История и перспективы. Новосибирск. С. 11–37.

Наделяев, В. М. (1985) Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка // Фонетика сибирских языков. Новосибирск. С. 3–24.

Наделяев, В. М. (1986а) У истоков тувинского языка // Исследования по тувинской филологии. Кызыл. С. 53–63.

Наделяев, В. М. (1986б) Циркумбайкальский языковой союз // Исследования по фонетике языков и диалектов Сибири. Новосибирск. С. 3–4.

Наделяев, В. М. (1986в) К типологии артикуляционно-акустических баз // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск. С. 3–15.

Наделяев, В. М., Стариков, В. С. (1964) Предварительное сообщение о дешифровке киданьской письменности // Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма. М. С. 5–26.

Рыжикова, Т. Р. (2003) Консонантизм языка барабинских татар: сопоставительно-типологический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск.

Рыжикова, Т. Р. (2005) Консонантизм языка барабинских татар: сопоставительно-типологический аспект. Новосибирск.

Сарбашева, С. Б. (2004) Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск.

Сегленмей, С. Ф. (1979) Инвентарь согласных фонем современного тувинского языка // Исследования звуковых систем сибирских языков. Новосибирск. С. 90–109.

Сегленмей, С. Ф. (2010) Консонантизм тувинского языка. Экспериментально-фонетическое исследование. Кызыл.

Селютина, И. Я. (2000) Фонетика языка кумандинцев как историко-лингвисти-

ческий источник (экспериментально-фонетическое исследование) : автореф. дис. ... д. филол. наук. Якутск.

Селютина, И. Я. (2009) Консонантные системы в языках народов Сибири: к проблеме типологии. Новосибирск.

Селютина, И. Я., Дамбыра, И. Д., Кечил-оол, С. В. (2004) Фарингальный сингармонизм в тувинском языке // Гуманитарные науки в Сибири. № 4. С. 108–114.

Селютина, И. Я., Уртегешев, Н. С., Летягин, А. Ю., Шевела, А. И., Добринина, А. А., Эсенбаева, Г. А. (2011) Артикуляторные базы тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии). Новосибирск.

Субракова, В. В. (2006) Система согласных сагайского диалекта хакасского языка. Новосибирск.

Татаринцев, Б. И. (1974) Русские лексические заимствования в современном тувинском языке. Кызыл.

Убрятова, Е. И. (1981) Крупный исследователь языков Сибири // Экспериментально-фонетические исследования сибирских языков. Новосибирск.

Уртегешев, Н. С. (2002) Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск.

Уртегешев, Н. С. (2004) Малошумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск.

Уртегешев, Н. С., Селютина, И. Я., Эсенбаева, Г. А., Рыжикова, Т. Р., Добринина, А. А. (2009) Фонетические транскрипционные стандарты УУФТ и МФА: система соответствий // Вопросы филологии. Серия «Урало-алтайские исследования». № 1. С. 100–115.

Феер, Б. Б. (1998) Акустические характеристики гласных кетского языка (пакулихинский говор). Новосибирск.

Шалданова, А. А. (2003) Вокализм диалекта алтай-кижи алтайского языка (в сопоставительном аспекте) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск.

Широбокова, Н. Н. (2000) Отношение якутского языка к тюркским языкам Сибири : автореф. дис. ... д. филол. н. Якутск.

Щербак, А. М. (1970) Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.

Kaluzynski, St. (1961) Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa.

V. M. NADELYAYEV – A FOUNDER OF SIBERIAN PHONOLOGY SCHOOL

I. Ya. Selyutina

Abstract: A text of a lecture at the International Science and Practice Conference devoted to 100th anniversary of V.M. Nadeyayev (Kyzyl, May 20-14, 2012).

Keywords: Nadeyayev, Siberia, philology, linguistics, Tuvan language, Turkic languages, phonetic typology, phoneme theory.